

ПУТЕВ★ДНЯ
ЗВЕЗДА

Виолетта Мышик

Путеводная звезда

<https://litres.ru/74338469>

SelfPub; 2026

Аннотация

В маленькой книжной лавке безымянного городка обнаружилось старинное письмо, посвященное Фригусу, первому королю северных земель.

После нахождения загадочного послания главная героиня, Адерин, и ее соратники отказываются верить в правдивость содержания, но спустя время они сталкиваются с рядом немыслимых совпадений, и картина складывается в единый пугающий пазл.

Какова судьба родины героев, кому из них суждено стать благородным рыцарем, а кого ждет верная смерть — все это было предсказано еще до становления королевства Аллерии.

Виолетта Мышик

Путеводная звезда

Глава 1

На часах пробило пять утра. Это третьи сутки безуспешных попыток закрыть глаза и провалиться в сон.

В последнее время нечем дышать. Мир ощущается обволакивающим и теплым, словно окутывающим необъятной легкой пеленой. Солнце прогревает землю так, что она становится раскаленной. Это совсем не привычно для нашего королевства. Тем более, что вскоре должен начаться сезон дождей. Хочется надеяться, что такая жара лишь предвестник погоды.

Неспешно встав с кровати, я вышла на крыльцо своего домика. Рассвет только думал разгораться, а птицы легонько и тихо щебетали где-то вдалеке. Шел северный ветер, как раз с той стороны, где море огибало земли.

Охладив свою голову под бризом и полюбовавшись видом, я ушла в дом. Сварила кофе и принялась за работу. К полудню надо дописать несколько статей и отнести рукописи в лавку.

В писательской конторе, где я работаю, остались двое книжников, я и моя приятельница, Мирта. Мы вместе ходили в академию литературы, а после выпуска решили работать вместе. Мы знали подход друг к другу и разделяли некоторые карьерные цели, потому чуть позже мы открыли книжный магазинчик с собственным изданием и выпустили газе-

ту, в которой стали писать о новостях и легендах нашего маленького городка. Сейчас, когда наши ряды трудяг поредели, на Мирту легли сбор информации и ведение продаж, на меня — написание статей и выпуск корреспонденции. Иногда я оставалась торговать вместо коллеги, если ей нужно было отдохнуть.

Многие жители в городе одиноки. Семьи, конечно, есть, но каждый год они уезжают в города побольше. Или повзрослевшие дети, юноши и девушки, бегут за лучшей жизнью в столицу, оставляя своих предков совершенно одних. Оттого я часто чувствую то продирающее ощущение покинутости и отрешенности чуть ли не в каждом встречном. Бывает и так, что к нам приезжают светские люди. Говорят, что устали от праздной жизни и суеты, ищут покой. Для них мы и пишем.

К семи все-таки начался ливень. Туча шла из-за гор, постепенно накрывая сонливый город. Страшное, на самом деле, явление. Кто знает, идет это ураган или изморось? Пройдет ли дождь в течение минуты, растянется ли он на день, поднимется ли ветер и снесет все на своем пути? Или молния попадет в здание? Точно так, как происходит с внутренними переживаниями. Вот сидишь и думаешь, что тебе не по себе. Почему? Вроде все отлично, ты здоров, весел и не одинок, но вязкое ощущение надвигающегося громогласного события, еще неизвестного тебе, мучает с утра до ночи, изо дня в день. Когда ты встретишься лицом к лицу с этим неизвестным, как оно будет протекать, как оно изменит твою

жизнь и когда закончится? Остается лишь гадать.

Тексты были готовы. Дело оставалось за малым — отнести работы в книжный. Мирта должна открыть его через полчаса. Столько же мне и идти до лавки.

Дождь все еще идет. Никогда не понимала его. Одну минуту он тих и спокоен, другую он замыкает мне вид за окном и бьет по стеклу, что приходится закрывать окно. Ведет себя так, будто капризный ребенок или заполошный любовник.

Взяв зонт, я вышла из своего домика. Соседка что-то бурчала себе под нос, наверное, у нее залило крышу или побило все цветы. Обычно на ее участке растут изящные белые лилии, нарциссы и жасмин, но на прошедших выходных женщина решила разбавить клумбы гиацинтом. Хоть бы эти цветы не пропали под таким ливнем!

Я не стала здороваться и отвлекать даму от ее дел. Да и меня совершенно не было слышно.

Моя дорога до книжного заняла чуть больше времени, чем я рассчитывала, уж слишком силен ветер в такую погоду. На улицах нет ни души, даже птицы притихли и спрятались по своим гнездам.

Мирта, оказывается, пришла еще утром и наводила порядок. Я передала ей свои рукописи, поставила пластинки и зажгла свечи. Как можно убираться в таких потемках... Девчонка совсем не заботится о своем здоровье.

Моя коллега перебрала большинство книг и переставила их на нужные полочки, мелочевку я взяла на себя.

— Адерин, глянь, — позвала меня Мирта. — Выпало из справочника.

Она протянула мне некогда рваную бумагу, воссозданную воедино. Я еле как разобрала, что там было написано. Письмо какого-то... Сказочника?

— Там стоит дата на обороте. Этой бумаженции, кажется, столько, сколько нашему королевству.

— Да... — я перевернула письмо, чтобы посмотреть на датировку. — Раритетная штука. Содержание, правда, как в детской сказке.

— Что правда, то правда. Но в то время наверняка каждый думал точно также.

— Я могу взять это с собой и показать Рейнарду? Мне интересно, что он скажет насчет этого письма.

— Конечно, забирай. Может он наведет справки и добавит комментарии.

Мы еще немного поболтали на отвлеченные темы, а после я направилась к своему другу.

Я дошла до крайней улицы городка и завернула в магазин Рейнарда. Он торговал чудаковатыми приспособлениями и антиквариатом. Внутри лавки не было ни души, пахло травяным чаем и сладкими сигаретами.

— Рейнард! Рейнард! Что за гадкий запах?!

Ответа не последовало.

Я заметила новые шутовины на полочках и за рабочим столом в кабинете Рейнарда. Сложилось впечатление, что он просто взял и бросил их, решив не раскладывать по местам. Какие-то карты, разноцветные камни, свечки... Раскрытая книга на древнем аллерильском.

Раздался скрип. Я обернулась на звук и увидела младшего брата своего друга, Йору. Он нес кипу пожеванных бумаг, сверху которой стояла чернильница с золотыми перьями. Вся эта ноша глухо приземлилась на стол, а глаза мальчишки забегали как в беспамятстве, и выглядел он совсем напряженно и взволнованно.

— Что такое, малыш? Где твой брат?

— Тетушка! Подожди еще минуту, пожалуйста. Я сейчас вернусь и все расскажу, — сказал он и убежал обратно.

Прошла ровно минута, и братец, впопыхах, вернулся и плюхнулся на кресло. Я неторопливо села рядом.

— Ты весь как на иголках, что с тобой приключилось?

После моего вопроса в зал вошел Рейнард. Несмотря на то, что он владелец лавки, его не интересовали предметы, которыми он торговал. Его страстью были наука и писательство, мы с ним, в какой-то мере, коллеги.

Он был спокоен и непоколебим, прямо как камень. Не зря его прозвали Рейнард. Мне кажется, я никогда не видела его на эмоциях. И, наверное, к лучшему. Я вполне себе могу представить, что происходит, когда он остается один, скрываясь от чужих глаз.

По правде говоря, я очень сильно уважаю его. Рейнард относится к тем людям, с которыми ощущаешь себя в безопасности. Было видно, что он не так прост, и за плечами у него огромный жизненный опыт. Ему стоило бы заявить о себе и выбраться из этого городка, но он предпочитает работать из тени, быть безликим, о котором слагают лишь легенды. Хоть он и говорит, что ему не нужна эта загадочная романтика.

— Помнишь я рассказывал вам о созвездиях, когда мы наблюдали за ночным небом? — спросил у меня Рейнард.

— Конечно я помню об этом. Тогда, по-моему, мы увидели метеор, — ответила я.

— В ту ночь меня посетило какое-то чувство, представляешь, Аделин, когда упала звезда, меня будто ужалил в грудь соседский мальчик. После нашей прогулки я достал все книжки и старинную энциклопедию, и нашел это, — Йору стал копошиться в поисках той книги, на которую я обра-

тила внимание, когда только зашла в лавку. — Вот!

— Эм... Что это?

— Я, впрочем, не до конца понимаю... Эта книга принадлежала нашему деду. Он рассказывал Рейнardu различные истории, связанные со звездами, а потом брат пересказывал их мне, и когда упал метеор, я подумал, что это не просто так... Что-то точно случится! Здесь есть рукописи, сделанные моим дедушкой. Он писал о связи между человеческим разумом и небом, о наших судьбах. Как мы рождаемся под определенной звездой и как это сказывается на нашей жизни.

Я молчала и слушала эти речи, иногда переглядываясь с Рейнардом. Он решил опереться на полки и смотрел на нас.

— Тогда... Тогда, в ту ночь, когда упала звезда... Мне кажется, что это явление... — мальчик не мог подобрать слова. Он еще не был таким большим, чтобы суметь изложить свои мысли быстро и четко.

— Что же, дитя, ты веришь в судьбу? — спросила я его.

— Да. А ты, что, нет?

— Нет, я уже не верю в то, что судьба человека знаменуется падением звезды или ее рождением. Об этом интересно размышлять и мечтать, это очень романтично, но не более.

— А как ты объяснишь то, что кому-то дается все и сразу, чины и награды, любовь и признание, а кто-то пытается заслужить это, молясь, стоя на коленях всю жизнь, и умирает без единой заслуги, — иронично спросил мой друг, закури-

вая сигарету.

— Недостаточно молиться, тебе ли это не знать. Тот, кто действует и идет на риск, получает достойную награду.

— Вы думаете, что дедушка писал неправду? — расстроенно спросил малыш.

— Твой дед был очень уважаемым и мудрым человеком, он не предавался обману. Дело не в том, что правда, а что ложь. Некоторые вещи делаются для украшения нашей жизни, а не в качестве инструкции к ней. Позже ты поймешь это.

Запах табака стал заполонять лавку. Малыш задержал ногами и подставил ладонь под свою щеку.

— Вы, взрослые, такие скучные... Рейнард сказал тоже самое. Но я вам всем не верю! Я верю этим рукописям!

— У нас другие пристрастия. Если тебе нравятся звезды, почему бы тебе не узнать о них побольше. Тебе это никто не запрещает. Пожнешь плоды, а там смотри, станешь почтенным человеком, прямо как твой дедушка.

Я погладила малыша по голове, а после удалилась во внутренний дворик. Рейнард плелся позади, наступая на пятки.

— Убери эту дрянь изо рта.

— Никакая это не дрянь, — Рейнард выбросил сигарету.

Мы остановились в беседке. Оттуда открывался вид на ручей, горы были с другой стороны. Дождь начал смолкать.

— Мирта нашла старинное письмо. Я не смогла разобрать, кто автор и кому он писал, но содержание идентично тому, о чем говорил юнец, — я достала из сумочки аккуратно сло-

женную бумагу и передала ее Рейнард. — Мне интересно твое мнение, что из себя представляет это письмо. Может оно несет какую-нибудь ценность? Ты умный парень и гораздо лучше меня разбираешься в таких вещах.

— Нашла же мне занятие... — Рейнард взял письмо и стал внимательно рассматривать его. — А я думал почитать тебе вечером стихи.

— Еще будет время.

— Значит завтра.

— Что, неужто ты сочинил нечто настолько великолепное? — я начала улыбаться.

— Да. Мне кажется, я превзошел сам себя, — Рейнард прихмыкнул. — Молодой даме явно придутся по вкусу мои строфы.

Мы вернулись в лавку. Рейнард просветил бумагу под огнем, чтобы проверить ее подлинность, а после сел вчитываться в каждое слово. Ему даже потребовался словарь.

Пока он разбирался с находкой, я разожгла камин и разлила чай для себя и братьев. Я и Йору устроились на кресле-качалке около огня. Малыш выдул две чашки и уснул под трескание древесины в очаге, пристроившись у меня под боком. Мне бы тоже не помешало провалиться в сон, но не сейчас.

Я разглядывала кабинет как в первый раз. Здесь всегда было много книг и различных растений, названия которых я все никак не запомню, уголок с семейными фотографиями и фамильными наследиями. Мебель была из темного дуба, огромный палас в приглушенных оттенках. Каменный, как и весь дом, камин.

Малыш засопел в моих руках. Рейнард обернулся и заговорил шепотом, чтобы не разбудить младшего.

— Письмо явно принадлежало человеку с высоким чином. В те года не каждый обладал навыком красноречия и имел средства на бумагу. Только кто же этот загадочный персонаж... Сверю почерк с другими рукописями, решу. А содержимое...

— Прямо как в сказке! Точь-в-точь как речи Йору о звезд-

дах!

— Да, это действительно так. Я удивлен. Где Мирта нашла это?

— В справочнике. О становлении Аллерии.

— Ох, пыльная же придется работа... Мне потребуется несколько дней, если не недель, чтобы досконально разобраться с этим.

— Но стихи ты мне все равно прочитаешь.

— Безусловно.

Рейнард предполагает, что это письмо принадлежало человеку при дворе, кто имел близкие отношения с королем. Вполне может быть, что текст написал старец Аарон. Он был известен своими работами по астрономии и астрологии. В наших краях мало кто знал о нем, но этот человек был одним из первых, кто внес вклад в развитие науки и образования.

Около миллениума назад на здешних землях была война. По легендам, на Аллерию напали варлоки. Они накладывали проклятия на народ и вытягивали жизненные силы у каждого, кто стоял на защите своей родины. Король Фригус, смелый и стойкий правитель, сам вышел на поле боя. Он был жесток, а сердце его было как изо льда. Король был мастером искусства владения мечом и иногда применял в обороне заговоры. Аарон же был в тени и наблюдал за положением небесных тел, чтобы предугадать, когда противник ослабнет, а эсквайры приложат максимальное количество усилий для удара. Старцу удалось вычислить, когда чернокнижники

исчерпают силы, и передал эту информацию Фригусу. Тот дал приказ наступать, и в конечном итоге, война завершилась победой. Несколько столетий после об Аллерии слугали слухи, что здесь живут сильнейшие предсказали, воины и заклинатели, а потому чужаки обходили стороной эту землю.

Это сказание о королевстве переходило из уст в уста, но с какого-то периода времени люди перестали рассказывать его своим детям. Сейчас о нем можно узнать только от книжных червей или профессоров в благородных институтах. Правда ли то, что Фригус был магом, а Аарон предсказателем, уже никто не узнает.

— Представляешь, если это тот самый документ, написанный во время защиты Аллерии?

— Тяжело в это поверить, но я не исключаю такой вариант, — ответила я.

Я осталась в лавке до вечера. За время, пока мы изучали и обсуждали письмо, стараясь не потревожить сон Йору, дождь ушел за горизонт, а земля успела чуть просохнуть.

Пока не стемнело, я решила возвратиться домой. Сил у меня совершенно не было и я еле как волочила ноги. Бессонница и голод дают о себе знать.

Стоило мне переступить порог своего домика и снять одежды, как я наконец провалилась в сон.

Глава 2

Я открыла глаза на рассвете. Солнце струилось через кружева шторин, и комната была украшена ярким орнаментом. На улице был поземный туман.

Рейнард оставил записку на прикроватной тумбочке.

«Адерин! Я взял тебе свежих яблок и персиков. Пусть ты и птичка, но ешь как человек. Буду вечером».

Он заходил совсем недавно. Чернила еще не до конца просохли, а запах свежих фруктов заполнил комнату.

Сегодня стоило бы заняться бытовыми делами, выстирать белье на берегу и прибраться в дровянике. Последние дни вышли загруженными, и я только и делала, что работала день и ночь напролет, бегая то к Мирте, то в библиотеку, не успевая посмотреть за домом, а он требовал внимания — пыль осела толстым слоем на поверхности полок.

Каждое утро я выходила во двор полюбоваться видом, это был мой ритуал. Невозможно оторвать взгляд от такого пасторального пейзажа. Если долго вглядываться в горы, можно увидеть местных животных. Обычно там бегали козы, реже можно было заметить благородных оленей и лисиц. Пастухи выгуливали коров и лошадей, выведенных и живущих исключительно в нашем королевстве. Эти животные, конечно, были неопишуемой красоты.

Мадам по соседству, тоже, как и я, выходила в свой сад

и рассматривала местную флору и фауну. Иногда мы тихо здоровались, иногда заводили долгий разговор. Сегодня наша беседа вышла короткой и сумбурной.

— Милая, милая птичка! А-де-рин! — пропела моя соседка.

— Да?

— Ласточка, прелесть моя, возьми цветочки. Я сорвала тебе лилии.

Я немного опешила и скованно подошла к мадам, принимая цветы.

— Что такое, ласточка? Неужто ухажеры одарили подарками, что нет свободного графина для букета?

— Ухажеры... Мальчишки никогда и ничего мне не дарили, только лишь хрустальные девичьи слезы.

— А как же твой друг? Я-то думала, что он обольстительный джентльмен и не просто так проводил тебя прошлым вечером.

— Что вы, мадам! Прекращайте фантазировать! — рассмеялась я.

— Вот глупец...

— Он читает мне стихи, мадам. Они очень красивы.

— Два сапога пара, однако. Родились под одной звездой, восхищаетесь сочинениями... — мадам стала отдаляться и ее голос утихал, что я не могла расслышать слов.

— Мадам! Погодите! Про какую звезду вы говорите? — я остановила ее вопросом.

— Ты разве не знаешь, Адерин, что когда падает звезда, рождается человек? Умы писали об этом еще давным-давно, когда даже меня не было на этом свете. А близкий друг самого Фригуса... — отвечала мадам.

— Это же просто выдумки, — я не сдержалась и перебила женщину.

— Вовсе нет, птичка. Вовсе нет... Мы живем не в обычном королевстве, — мадам ушла.

Я оставила лилии в кухонном кувшине, взяла корзину с одеждами и пошла на берег моря. Пока вещи намокали, я разместилась на гальке и думала об утренних словах соседки, старой легенде, Йору и той найденной бумаге. Мысли в голове бегали наперегонки и спотыкались друг о друга, я никак не хотела принимать то, что картина может складываться в единый пазл. Не верится мне в это. Не хочется. У моря всегда спокойно сидеть, даже если в голову лезут тревожные мысли, прямо как сейчас. Ветер приводит в чувства и забирает лишние размышления.

Так бриз навел на меня мысли о себе и своем имени, а точнее о том прозвище «птичка», каким меня называют близкие. Как-то с Рейнардом мы обсуждали эту тему, и он сказал следующее: *«на древнем аллерильском Адерин и есть птица, в этом коротком слове заключена вся твоя суть»*.

Больше всего ты похожа на ласточку, неутомимую вестницу весны. В твоих, как и ее движениях, нет тяжести, ты открыта миру и умна. Чувствуешь каждого встречного, едва касаясь его души одним только взглядом, и понимаешь, что с ним приключилось, а потому не копаешься в чужом горе. Жаль, что перетягиваешь одеяло на себя. Не в том смысле, что соревнуешься с людьми, а делишь с ними чувства. Это не есть плохо, но порой это негативно сказыва-

ется на твоём состоянии, которое ты тщательно скрываешь. В тебе есть то сочетание хрупкости и невероятной выносливости, какой, допустим, нет у меня. Я сильно закрыт от сторонних воздействий и обхожусь своим личным метром на метром. Ты только кажешься беззащитной, но стоит узнать тебя больше, как ты начинаешь выглядеть несокрушимым сильным человеком, способным выдержать любые трудности. А ласточки, знаешь ли, преодолевают тысячи миль в полете, если того требуется. Ведомые лишь зовом сердца и чувствами.

Ты не любишь быть взаперти, будь то стены скромного домика, замка или рамки чужих ожиданий. Твоя жизнь — это полет, полный свободы, искренности и той особенной легкости, которая делает мир вокруг чуточку светлее. ».

По правде говоря, Рейнард мог сказать мне что угодно, и я бы ему поверила. Для меня было важнее не то, насколько искренни его слова, а то, что он делился со мной своими размышлениями. Он мог вести монолог хоть пару часов — я слушала его речи как замороженная, предаваясь общему настроению и той особенности ведения речи, тембру голоса и интонации. Я, может и слепо, но верила ему, потому что уважала его и потому что мое сердце было открыто для него.

Вода становится холоднее с каждым днем, а оттого обжигает пальцы словно тысячи крошечных игл. Снег, который спадает с гор, понижает температуру еще больше. Радует, что одежда будет чище и ее будет гораздо легче накрахма-

лить, но тонкая кожа моих рук уж точно не скажет спасибо за плескание в ледяной и серой воде. Надо было прекращать с этим делом.

После стирки я возвратилась и развесила вещи во дворе. По планам моей дальнейшей точкой была торговая площадь, так что стоило привести себя в порядок. Причесавшись и припудрив нос, я стала выбирать наряд. У меня не было бездонного гардероба с большим выбором платьев и шали, так что сборы не заняли много времени. Я подошла к старому зеркалу в прихожей, чтобы поправить складки на ткани. Взгляд скользнул по собственному отражению, и мне было тяжело себя узнать. Раньше я видела в этом зеркале девушку с мягкими щеками и несколько припухлыми ножками, а теперь же на меня смотрело лицо, которое казалось высеченным из камня. Скулы стали острыми, а ключицы стали выпирать. Одежда сидела мешком. Видимо, в работе я забыла не только о доме, но и о себе. Теперь мне понятно, почему я получила записку с таким содержанием.

Что же, торговая площадь. Погода сегодня позволяла дышать полной грудью и наслаждаться полуднем. Я жила совсем рядом с рынком, но мне хотелось занять себя прогулкой, и я не торопилась с посещением торговцев, виляя по улочкам и тропинкам. Я позволяла себе останавливаться у каждого поворота и рассматривать город, словно ребенок, впервые открывающий для себя карту неведомых земель. Мне был известен каждый угол, каждый камешек, створ

окон, но сегодня я делала вид, что изучаю старые родные места.

Старый фонтан на углу, чья каменная чаша была покрыта налетом времени. В жару дети плескались здесь, но сейчас фонтан пустел, а малыши спали. Солнечные блики танцевали на поверхности воды. Город звучал иначе, тише обычно. Приглушенный шум площади за домиками, скрип колес телеги на соседней улице, далекий перезвон колокольчика и протяжное коровье мычание.

Я дошла до торговой площади, когда солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы расцветить прилавки всеми красками мира. Ряды палаток напоминали пестрое лоскутное одеяло на фоне гор, украшенных ярко-оранжевыми цветами.

Сначала я заглянула к старику Хозу, у него была скромная ферма с курами и рогатым скотом неподалеку. Дедуля очень сильно любил животных, подбирал бездомных четвероногих и выхаживал больных. Главным в его товариществе был черный кот, поседевший, как и хозяин. Казалось, что они с ним одного возраста и характера. Несмотря на то, что питомец был стар, его энергия не иссекала. Кот вальяжно расхаживал по загонам, играл с мышками и постоянно выпрашивал свежее парное молоко.

Старик недавно надоил молоко и стал рассказывать, как кот жалобно мяукал и ждал лакомств. Мы перекинулись парой слов о хозяйстве и погоде, я взяла с десятков яиц и крын-

ку молока и попрощалась с фермером.

Моей следующей точкой была пекарня. В ней торговали как и свежим хлебом, корзинками и крендельками, так и сухими ингредиентами для выпечки. Владельцы вручную измельчали зерна в мягкую нежную муку. Она очень дорого ценилась, потому люди редко брали ее, отдавая предпочтение уже готовым изделиям из печи. Тем, у кого были хорошие отношения с собственниками производства, прикладывали сахарную пудру или мешочек с ванилью. По правде говоря, было бы гораздо выгоднее отправиться в соседний город за таким продовольствием, потому что там он был в избытке, спрос больше, а цена ниже. Но, по моему мнению, это того не стоит, если нет необходимости в многолетнем запасе пахнущих порошков.

На площади было мало торговцев, так как у каждого жителя был свой небольшой садик, но если кому-то требовались изыски или то, что не прорастает на их земле, то они шли сюда. Мне приходится часто обращаться к местным принципалам, потому что у меня нет ни фруктов, ни овощей, а животинки уж тем более. В моем саду прорастают крыжовник и иногда приживается ежевика, другими культурами я похвастаться не могу. Дедушки и старушки всегда рады видеть меня, а мне нравится заходить к ним и составлять компанию хоть на пару минут. Они часто жалуются, что внуки им не пишут, а дети приезжают только когда вспомнят, что те еще живы.

Не думаю, что стоит заниматься описанием приготовления шарлотки, это не особо важная часть текущего дня. Обычная рутина.

За то время, пока пирог готовился в печи, я перерыла домашнюю библиотеку в поисках исторических учебников и фольклора. Ненароком я вернулась к утренним размышлениям после встречи с мадам во дворике. Я прекрасно знаю, что наше королевство волшебное во всех смыслах. У нас есть колдуны и воины, владеющие чарами, но чтобы жители Аллерии определенным образом относились к движению звезд... Мне кажется это непостижимым. Да, всем известно, что положение космических тел влияет на приливы и отливы, атмосферу, но чтобы погибшая звезда определяла путь человека? Судьбу народа? Это просто невозможно.

На полу передо мной лежал Сказотолк, это книга об устном народном творчестве Аллерии. Честно говоря, я не помню, какое мизерное количество раз я обращалась к фольклорным сочинениям. Сказотолк мне был необходим в очень редких случаях, а потому большинство прочитанного попросту улетучивалось из моей головы.

Эта увесистая книга была не столько хранилищем мудрости, сколько кладбищем забытых смыслов. Читая написанные истории, я чувствовала, как холодный сквозняк северных преданий просачивается сквозь плотную бумагу, напоминая о том, что за пределами моих защищенных магической стен мир остается диким и непредсказуемым. Северные

легенды, судя по скудности описаний, были либо слишком опасны для записи, либо настолько далеки от нашей реальности, что авторы предпочли оставить их в области домыслов. Я вздохнула, понимая, что сегодня мне придется не просто пролистать эти страницы, а вчитаться в них, выискивая крупинцы истины среди наслоений вымысла, которые так старательно оберегали аллерийские сказители.

Рядом со Сказотолком я разместила дубликат исторического справочника Мирты, открыв его на разделе о битвах и короле Фригусе. Страницы, пожелтевшие от времени и пропитанные запахом старой бумаги, послушно шелестели под моими пальцами. Пробегая глазами по тексту, я старалась зацепиться за имя Аарона или его косвенное упоминание. В хронике Фригус описывался как правитель, чья решимость граничила с одержимостью, а Аарон всегда следовал за ним, словно тень, чьи очертания менялись в зависимости от того, куда падал свет пророчеств. В одном из абзацев, посвященном осаде Цитадели Туманов, я наткнулась на примечание, сделанное на полях чьим-то размашистым почерком, но не успела разобрать его.

Мое расследование прервал стук в дверь. Вошел Рейнард.
— У тебя разбушевался домовой? — спросил он, глядя на завалы книг.

— Нет. Подожди, я приберусь.

— Ты хотела сказать, что мы приберемся, — Рейнард подошел собрать разбросанные книги. Его взгляд упал на те,

что лежали предо мной. — Все думаешь об этом?

— Частенько, если говорить откровенно. Как Мирта нашла это письмо, так Йору рассказал о своих впечатлениях в ту ночь, нашел книгу вашего деда, а потом мадам заговорила о нас с тобой и общей звезде... И те легенды...

— Да, Адерин, я понимаю тебя. Я тоже стал сталкиваться с некоторого рода мероприятиями. Расскажу попозже.

Мы привели домашнюю библиотеку в порядок и направились на кухню. Я достала свежесвеженный пирог и дала ему немного остыть, чтобы украсить пудрой. Второй, для мадам, решила испечь позже.

Пока я накрывала стол, вспомнила о сладком подарочке и поблагодарила Рейнарда.

— Спасибо за фрукты, мне было очень приятно получить их.

— Пустяки.

— Ты почти не спал, если так рано дошел до меня и оставил гостинцы, какие же это пустяки.

— Если ты осталась довольна, то все остальное мелочи.

За ужином мы были немногословны, ведь впереди было еще много времени, чтобы поболтать, да и разговаривать за трапезой идея не из лучших. Тарелки опустили за считанные секунды, а значит, что пришла очередь чая. Рейнард остался сидеть за столом, а я отошла за заварником. Он молчал, и я не видела, чем он занят, поскольку стояла к нему спиной. Вскоре тишина прервалась.

— Тебе подходят эти цветы. Знаешь, что они означают?

Лилии! Те самые лилии, которые мне вручила мадам этим утром. Я не убрала их в комнату, и они остались стоять на кухне. За весь день я так привыкла к ним, что перестала замечать и растерялась, услышав вопрос.

— Нет. Я не разбираюсь в флориографии, — я ответила.

— Лилии символизируют чистоту и благоволение. Их дарят в знак уважения и почтения или в качестве признания в чувствах.

С минуту была пауза.

— Когда мне ждать от тебя букет? — я оглянулась через плечо.

— Я думал, что тебе такое не нравятся.

— Что за глупость! Всем женщинам нравятся цветы.

— Обещаю исправиться. Сегодня вместо лилий у меня стихи.

Мы знали друг друга столько, сколько помнили себя. Эта близость стала для нас естественной, как дыхание, и никто не спешил нарушать сложившийся порядок вещей до этого вечера.

Рейнард начал читать. Стихи были действительно обворожительными, не без вычурных метафор, но понятные мне.

Когда он закончил, на кухне снова повисла тишина. Она казалась завершением долгого пути, который мы проделали, даже не осознавая этого. Я ожидала от него признания, потому что все стало ясно еще давно. Сейчас мы просто сидели

и смотрели друг на друга, укутываясь в тепле глаз напротив.

— Ты ведь знаешь, — сказала я, чуть улыбнувшись и за-
смущавшись, — что я всегда буду рядом с тобой.

Он не стал ничего отвечать, лишь вздохнул с облегчением. Слов больше и не требовалось. Я прислонилась к его груди и слушала, как безумно быстро бьется его сердце. Теперь Рейнард совершенно растаял среди местных льдов. Мне было уже совершенно все равно на звезды и легенды, на бардак, который я устроила. Время будто бы остановилось, а в этом мире остались мы одни.

Позже я рассказала, что мадам говорила про нас утром, и мы неловко посмеялись.

Наверное, она будет снова расспрашивать меня с утра или через сутки, зачем Рейнард приходил ко мне и почему не ушел после, хитро улыбаясь и подливая масла в огонь. Она была из тех женщин, которые любят заметить перемены, особенно касающиеся молодых людей, делая колкие комментарии и вспоминая молодость.

Глава 3

Вскоре малышу исполнится семь лет.

Через пару месяцев он должен стать учеником. Йору захотел поступить в училище, которое находилось в столице, городе Норден. Это самое сильное учебное заведение для юношей на территории Аллерии. Именно оттуда выпускаются будущие ученые, дипломаты и рыцари.

Для того, чтобы мальчика внесли в список поступивших, ему надо было пройти ряд вступительных испытаний. Помимо базовых навыков, как чтение и письмо, а также математика, надо было сдать экзамен по всеобщей культуре и владению мечом. Кому-то из юношей требовались дополнительные курсы, но не в нашем случае. Как-нибудь об этом я расскажу позже...

Малыш был научен читать с самых пеленок, но письмо похрамывало, и я обучала Йору чистописанию. Несколько раз в неделю он приходил ко мне в гости, и мы проводили подготовительные занятия. Братец был умным мальчиком и поглощал знания как губка, запоминал каждое слово, что я говорю, исправлял ошибки и не повторял их впредь. Его тонкие детские пальцы, еще не привыкшие к тяжести пера, сжимали инструмент с пугающим усердием. Я наблюдала, как на листе рождаются первые ровные строчки, и не могла сдерживать улыбки. Йору старался вывести каждую букву с кал-

лиграфической точностью, словно от этого зависела судьба целого мира. Иногда он поднимал на меня взгляд — полный детской серьезности и немого вопроса, — и я видела в этих глазах отражение собственного рвения. Мы не просто учились писать, мы выстраивали невидимый мост между его пытливым умом и миром взрослых смыслов. Каждый штрих становился шагом к самостоятельности, и я чувствовала, как с каждым занятием он становится чуточку взрослее, оставляя позади беззаботность раннего детства ради осознанного пути, который мы прокладывали вместе, буква за буквой.

В нашем городе не осталось мастеров боевого искусства. Последний мастер, живший здесь — дедушка братьев. От него Рейнард унаследовал коллекцию доспехов, секир и мечей. В детстве тот наблюдал за тренировками опытного бойца и иногда напрашивался сам позаниматься с оружием. Так у Рейнарда немного, да имелся навык владения мечом, которому уже он стал обучать младшего брата. Старший скрупулезно восстанавливал по памяти движения деда, превращая каждое занятие с мальчишкой в настоящую церемонию, попутно рассказывая ценные истории. Он учил брата не просто махать сталью, а чувствовать вес клинка, предугадывать инерцию и беречь дыхание. Порой, когда лунный свет падал на начищенные блестящие доспехи, им казалось, что тень их предка наблюдает за каждым выпадом, одобряя и поощряя их упорство. Они стали последними хранителями наследия их рода, кто помнил, что сталь — это не просто металл, а

продолжение воли человека.

В перерывах от обучения мальчишки вечерами мы договаривались разбираться с той загадкой, которая не покидала наши умы. К тому же у нас появилась еще одна причина встречаться чаще, чем ранее.

Нам удалось выстроить логичную цепочку, подняв историю хода войны и биографию Аарона, подкрепив это публикациями и обращениями. Последнее оставалось лишь за верой и собственными убеждениями.

Иногда Йору добавлял свои комментарии, обращая особое внимание к определенным деталям, на которые мы, взрослые, просто бы махнули рукой. Его помощь оказалась необходимой.

— Раньше люди верили небу больше, чем сейчас, и это было вовсе не зря! Я же еще тогда говорил вам, что звездочки — это не просто яркие точки, а чьи-то жизни. Когда падает одна звезда, то рождается человек, а другие звезды погибают, чтобы защитить гибнущих. Так было написано в той старой дедушкиной книге! Там, вообще-то, есть даже его монография о численности народа Аллерии и количестве метеорных дождей...

— Ну-ка расскажи нам, что ты запомнил из нее, — сказал старший.

— Народ королевства зависит от движения космических

тел. Они влияют не только на рождение и смерть, но еще и на то, каким вырастет поколение, каждый отдельный житель.

Есть два вида метеоров. Те, что имеют бело-голубой хвост, и те, которые светятся ярким золотистым цветом. Голубые означают, что где-то гибнет человек, и звезда старается помочь ему, но не всегда выходит защитить умирающего. Золотые же ознаменуют рождение ребенка.

Когда на Аллерии была битва за земли, звездопад не прекращался в течение пяти лет. А когда война закончилась, то спустя год метеоры снова посыпались с неба, но то были совершенно другие звезды, золотые.

— Дед говорил мне про это, но я ему не верил. В детстве и сейчас я воспринимал это лишь как выдумку, придуманную, чтобы завлечь меня. Потому и тебе рассказывал тоже самое. И в память о дедушке. А оказывается, что эта сказка подтверждается исследованиями, — сказал Рейнард.

— Это так запутанно, на самом деле. Если ваш прародитель делал такие записи, тем более написал монографию, выходит, что у него был доступ к засекреченным документам короля? — поинтересовалась я.

— Выходит, что так оно и было. Дед посещал королевский двор, ведь он был далеко не последним жителем Аллерии, уважаемым в каждом крае. Но кем он был для знати и с какой целью посещал тамошние мероприятия, ответить не могу. Это он тщательно скрывал. Может он был на страже королевства, может он был архивистом... Умений и родов за-

нятий было не мало, — сказал мне Рейнард.

— Когда я стану учеником, я все-все разузнаю! Узнаю о нашем дедушке и разгадаю эту вашу «загадку», хотя мне и так все понятно! — воскликнул Йору.

— Мы в этом не сомневались, — сказала я.

— Да, братец. Ты уже самый умный среди нас. Наш все-знайка! — Рейнард принялся щекотать брата.

— Хи-хи-хи! — смеялся младший.

Спустя неделю подобной рутины, как занятия с мальчиком и разбор гипотез насчет старых текстов, мы остыли. Решили не уделять такое усиленное внимание к письму Аарона. Да, с каждым днем возникало все больше и больше вопросов, но это дело не было таким важным. На первый план вышли подготовка к вступительным испытаниям и празднование дня рождения Йору.

Я предложила Рейнардну дать отдохнуть мальчишке пару дней, чтобы тот просто порезвился как и все другие дети. Все же он еще ребенок, и ему не стоит так сильно напрягаться. Потом у него, к сожалению, не будет такой возможности.

На выходных мы отправились в более крупный город за подарком, изготовление которого было поручено кузнецу. Это был какой-то старый знакомый Рейнарда, который взялся за наш особый заказ. Ранее мы отправляли ему письмо, где детально описали то, какой экспонат мы хотим увидеть по результатам работы.

Пока мастер прилагал свои усилия в ремесле, я и мой нынешний ухажер прогуливались по городу. Здесь не было гор как у нас, не было моря. Не было того, на что можно было бы полюбоваться. Климат тут отличался, пускай и немного. Из-за отсутствия берегов и рельефа ветер был спокоен.

Здесь были высокие замки, небольшие жилые домики,

парки и скромные скверы с беседками. Серый город с большим количеством людей, несущихся не пойми куда.

Несмотря на здешнюю хмурость, мне тут нравилось. Здесь варили сладкий густой кофе, в кафе подавали карамельные тоффи из фиников, продавали невероятное разнообразие цветов, а еще бегали компании бездомных кошек. Вечером город преображался... Каждая улочка будто соревновалась с другой, кто из них ярче и праздничнее. Хозяева лавок пытались завлечь людей к себе внешним видом, а потому и украшали парадные всевозможными способами. Мы, как редкие посетители соседних поселений, поддались таким приемам и заходили в каждый магазин.

Так мы оказались в дамском заведении, где торговали сумочками, портмоне и аксессуарами для волос. Не было и секунды, чтобы я подумала не брать ридикюль, а к нему и новый гребешок.

Рейнард решил не тратиться на себя. Смотрел на товары и пускал слюни, но ничего не взял... Сказал, якобы у него всего в достатке.

В последний день пребывания здесь мы направились к кузнецу. Несколько недель работы над изделием, тщательное внимание к деталям, и результат превзошел ожидания. Достоинно отблагодарив мастера, пришла пора возвращаться домой. Поскорее хотелось устроить малышу настоящий праздник и вручить ему этот подарок. День рождения должен выйти особенным, так как текущий год — последний,

когда мы собираемся так втроем. Следующие десять лет, а то и больше, пройдут вдалеке друг от друга.

К себе мы вернулись быстрее, чем нам пообещал извозчик, и это было нам на руку. Если бы не сильные и быстрые лошади, мы бы добрались домой уже после заката, в сумерки. Время возвращения в городок было известно Йору и соседям, которые присматривали за малышом. Они-то нам и рассказали, что мальчишка игрался в стороне моря. Мы попросили их не идти за ним, чтобы обустроить усадьбу.

Пока Йору развлекался с друзьями на берегу, мы готовили дом к его приходу. Собрали небольшой тортик, украсили комнаты бумажной гирляндой, цветами и свечами и спрятали презент. Юнец любил искать подарки в каждом темном местечке, поэтому пришлось искать потаенный уголок, о котором бы тот даже не подумал. Выбор пал на старый, покрытый пылью сундук в глубине кладовой, куда любопытный Йору не заглядывал попросту по той причине, что боялся туда заходить. Здесь часто ползали пауки, а иногда можно было услышать и тихий-тихий писк мышек.

Мы не представляли, когда малец явится на порог, и оттого затаили дыхание, прислушиваясь к каждому шороху снаружи: не скрипнет ли калитка, не раздастся ли звонкий смех, выдающий его приближение? И вот, спустя полчаса как наши приготовления были закончены, Йору наконец пришел домой. Скорее всего, он ожидал увидеть задекорированное помещение, но не своего старшего брата и меня в такой ран-

ний час. Он побежал навстречу к нам, расправив руки для скорых объятий.

— Рейнард, тетушка! Вы приехали! — радостно скандировал Йору. — Я думал, что вы прибудете в ночи и пропустите мой день рождения...

— Мы не могли оставить тебя одного, глупыш. Уж точно не сегодня.

Вдоволь наобнимавшись, мы приступили к торжеству. В этот раз для Йору была придумана программа развлечений, и наш мальчик был весел как никогда. Он не прекращал улыбаться и не мог утихомириться даже за столом. Мы были необыкновенно рады звонкому детскому смеху, но в то же время внутри нас продиралось неуловимое чувство грусти. Переглядываясь с Рейнардом, мы пытались скрыть за улыбками влажный блеск в глазах. Мы понимали, что это не просто праздник, а прощание с одной главой жизни малыша. Такие моменты как сейчас необходимо запоминать крайне детально, беречь и сохранять, как драгоценность, потому что скоро придет пора расставаться. Момент сбора вещей и уход Йору из отчего дома ощущался жутко далеко и запредельно близко, я пыталась отгонять от себя эти мысли и чувства.

Когда стол опустел, и с основными блюдами было покончено, Рейнард внес торт с семью свечами. Огоньки дрожали в полумраке комнаты, отражаясь в восторженных глазах мальчика. Йору замер, затаив дыхание, и на мгновение в цветочной гостиной воцарилась та самая тишина, кото-

рую хочется растянуть на вечность. В этом неверном свете его детское невинное лицо казалось почти ангельским. Это был какой-то... Какой-то невероятно трогательный промежуток времени, буквально пара секунд, разрывающих сердце. Мне стало невероятно больно, как будто мою грудь пронзили стрелой.

— А вот и торт для именинника! — провозгласил Рейнард.

— Загадывай желание, Йору. Только хорошенько подумай над тем, чего тебе хочется, — сказала я.

— О, я знаю, что я хочу, — начал хихикать младший. — Мне бы хотелось, чтобы...

— Не говори вслух, малыш. Желание не исполнится, если ты его расскажешь, — Рейнард прервал брата.

Йору прикрыл глаза, предавшись мечтаниям, и я увидела, как шевельнулись его губы. О чем он просил? О приключениях, поступлении, верных друзьях или, быть может, о том, чтобы этот вечер никогда не заканчивался? Когда он с шумом задул свечи, в комнате запахло воском подтаявших свечек и сладкой ванилью. Мы захлопали, стараясь заглушить нарастающий в груди ком.

Пробил час для вручения подарка. Мне пришлось удалиться на пару минут, чтобы достать его из секретного места. Вернувшись к братьям, я встала перед Йору на небольшом расстоянии, спрятав презент за спиной. Было заметно, как Йору напрягся, его взгляд стал цепким, изучающим, словно

он пытался предугадать содержимое свертка еще до того, как я его покажу. Второй брат, стоявший чуть поодаль, скрестил руки на груди, с интересом наблюдая за нашей маленькой сценой.

— Малыш, подойди сюда. Мы хотим выразить свое признание перед тобой и твоим рвением обучаться. Я и Рейнард верим, что ты вырастешь достойным юношей. Чтобы ты стремился к высотам и не забывал, зачем ты ступил на этот путь, мы с твоим братом решили вручить тебе этот подарок. Надеемся, что тебе понравится, — я вложила свертки в руки мальчика.

— Мы хотели, чтобы несмотря на расстояние, которое предстоит нам, ты не забывал, что мы здесь, помним о тебе, — Рейнард присел перед братом и приложил ладонь к его груди, — пока сердце горит, а голова на плечах — мы в светлой памяти друг друга. Мы всегда поддержим тебя и будем рядом, Йору.

Братец стал раскрывать ткани, и, судя по его растерянности во взгляде, он понимал, что перед ним.

— Откуда?! Когда вы успели?

— Мы не просто так уезжали на выходных, юнец.

Теперь у Йору был именной меч с гравировкой на лезвии и резными орнаментами на рукояти и гарде. С ним он будет обучаться в столице.

— Прямо как у дедушки... — прошептал мальчик.

— Да, это практически идентичный меч. Только этот еще

без истории, — сказал Рейнард. Чем прославится это оружие, решать тебе.

Йору сидел на полу, подогнув ноги и рассматривая свой подарок. Мы не мешали ему знакомиться с мечом и не прерывали тишину.

— Спасибо вам, — стали слышны всхлипы.

— Чего же ты, малыш...

— Адерин, я буду скучать по тебе, — Йору кинулся в объятия ко мне, а потом к старшему, и начал сильнее шмыгать носом.

— Еще рано прощаться, глупенький, — сказал Рейнард.

Я не смогла сдержать эмоций и тоже тихо заплакала. У меня никогда не было младших братьев и сестер, но Йору был мне как родной.

— Считай, что ты уже взрослый. Меч тому показатель. И не забывай, что слезы отбирают силы, воин, — сказал старший.

Завтрашний день уже стучался в окно. За ним лишь тянулся обыденный распорядок, усталость после работы и урчание в животе. А пока этот день не закончился, мы хватались за его яркие минуты душевного тепла и покоя, пусть и в скупых слезах. Пока Йору, утомленный праздником, не уснул прямо у нас на коленях, мы позволяли себе роскошь верить, что время остановилось, даря нам еще одну, самую важную ночь в этом доме.

Мы рассматривали меч и рассказывали Йору о том, как

и когда пришли к такой идее подарка, смеялись над историями, которые малыш выдумывал на ходу, уже не играя, а уверенно пользуясь оружием, и старались не смотреть на часы. Каждая секунда казалась драгоценным камнем, который мы бережно укладывали в шкатулку памяти. Я старалась запомнить все: как мальчик морщит нос, когда смеется, и как небрежно растрепаны его волосы. Он был точь-в-точь таким же, каким был и Рейнард в детстве.

— Вы будете приезжать ко мне? — вдруг спросил нас Йору, остановившись на середине собственного представления.

— Что за нелепые вопросы, братец? — старший задал встречный вопрос.

— Ты же сказал, что я уже взрослый...

— Для нас ты всегда будешь малышом, — сказала я. — Мы будем приезжать к тебе, пока у нас есть эта возможность.

Глава 4

Прошел месяц усиленной подготовки. За это время Йору превзошел наши ожидания и стал умельцем во всех навыках, которым мы его обучали. Это означало, что надо было переходить на следующий важный и серьезный этап — прохождение вступительного испытания в столичном училище.

Экзамен проходил в течение трех дней и включал в себя проверку способностей желающих встать в ряды обучающихся. Предварительно, еще до решения экзаменационной коалиции, детям разрешалось выбрать, в каких направлениях они видят себя лучше всего: боевом, дипломатическом или медицинском. Можно было выбрать до двух направлений за раз. Если дитя тянуло два курса, то он занимался вдвое больше и напряженнее. Если по результатам экзаменов выяснилось, что поступающий преуспевает только в одном направлении из двух — его зачисляли только на один единственный курс.

Естественно, мы расспрашивали Йору о его намерениях, но он держал все в секрете до последнего момента. Он высказал нам свои планы и ожидания касательно поступления за недолго до поездки в Норден. До этого разговора я считала его незрелым и игривым мальчиком, несмотря на его труды и выносливость. В нем уживалось сочетание серьезности и ребячества, скромности и бесцеремонности, но чаще

всего именно шутиливость и эмоциональность вырывались на первый план. Вполне возможно, что так мне казалось именно потому, что я считала себя обязанной оберегать его как младшего брата или как собственного ребенка, да и он называл меня тетей, между нами была родственная, но не кровная связь. Йору выстроил хитрую и сложную стратегию по преодолению противников в испытании, он собирался идти по головам, обманывая и предавая, но желая достигнуть цели. Это жуткое амплуа в лице семилетнего сорванца не могло меня не поразить, и я выжигала Йору взглядом, молча слушая его речь. Тот был непоколебим и тверд в голосе, говоря о своих замыслах как опытный предводитель. Я не осмеливалась ранее даже подумать о том, что мальчик может спланировать такое и вести себя определенным образом. Однако несмотря на то, какие сочетание слов выходили из его уст, я понимала, что это явно даст свои плоды. Рейнард также не смел прерывать брата, но я чувствовала напряжение, заполонившее комнату, оттого, что мы с ним здесь лишние. Наши глаза пересеклись и остановились друг на друге. В этом долгом тянущемся взгляде мы остановились на одной мысли: перед нами вещал будущий неугомонный ультор.

После выслушивания долгого и нелегкого монолога мы принялись упаковывать вещи для первокурсника. Тишина, оглушительно повисшая в доме, ещё больше погружала нас в атмосферу липкой тяжести с представлением дальнейших действий и разворота событий.

Поклажи не требовалось много, особенно на этапе экзамена, но наша уверенность в поступлении была непоколебима, а потому мы брали все необходимое на первое время, не скромничая прибавлять веса чемодану. Главными атрибутами нашего багажа были сменная одежда, несколько пар обуви, секретный ежедневник, то есть дневник, и конечно, меч. Прочие вещи выдавали в училище за счет королевства каждый сезон.

Ранее мальчик не был за пределами нашего города и не знал, что такое мегаполис, так что мы решили приехать в столицу за несколько дней до начала экзаменов, чтобы он не был чрезмерно возбужден от нахождения в незнакомом месте. Он быстро привыкнет к новому дому, конным стражам и эсквайрам в доспехах, стоящих на защите и охране замка станут для него обыденностью. Больше не будет никаких соседок-старушек, плескания в морской воде вместе с друзьями, маковых булочек, подаренных знакомым пекарем из соседнего дома. На требовательные преподаватели, преданные королю люди, безмянные лица, специально скрытые от чужих глаз и ушей, имеющие привилегии и неприкосновенность. Каша на завтрак, суп на обед и жаркое на ужин. Пять тренировок в неделю, семь дней зубрежки, экзамены каждый месяц. Все для того, чтобы доказать, что именно он — способный ученик и достойный молодой человек.

Обычно в пути детей сопровождали их родители, но наш юноша потерял своих кормильцев будучи младенцем, и в ка-

честве воспитателей вместо мамы и папы выступали я и Рейнард. У нас были документы, подтверждающее право находиться рядом с ним и выступать за его голос. Такие бумаги нельзя было подделать — на них стояла печать с использованием не маслянистых чернил, а нашей крови.

Сегодня лил проливной дождь и тучи безудержно хвастались своими накопленными слезами. Мало кто из извозчиков хотел принимать нас в такую погоду и долгую дорогу до Нордена, но в итоге мы нашли одного отчаянного старичка, согласившегося отправиться с нами в путь.

— С какой целью вы отправляетесь в столицу, молодые люди? — спросил нас кучер, когда он уже начал гнать лошадей.

— Малец — поступить в училище Фригуса, мы — познакомиться с городом и поддержать в испытании, — ответил Рейнард.

— Ох! Мальчуган решил покорить то самое первоклассное заведение? Должно быть он достаточно настырный, упертый и отчаянный оголец.

Мы решили не отвечать, а старик продолжил говорить.

— Мой сын тоже когда-то учился там... — со вздохом сказал он. — Славный был парень, мой первенец...

— Что с ним приключилось? — спросил Йору, будто не понимая к чему ведет старик.

— Йору! — резко воскликнул Рейнард и наградил брата строгим взглядом.

— Брось, пан. Я расскажу вам, а в первую очередь ему, что случилось с моим сыном. Все равно нам предстоит долгий путь, так пусть он пройдет не в тишине.

Кучер обернулся посмотреть на мальчишку.

— Ты, молодняк, не знаешь законы норденовских школ?

— Я много слышал и читал об этом училище, и знаю, что одна ошибка там стоит жизни, — ответил Йору.

— Это верно. А какими были первые правила Фригуса? Какие люди там росли? Об этом вряд ли тебе кто расскажет, кроме как стариков, как я, и тех, кто преподает в училищных стенах.

Я прекрасно знала свод законов Фригуса и требования к обучающимся, но не допускала потайную информацию до ушей Йору. Рейнард мог рассказать брату о тех вещах, которые творились сотни и тысячу лет назад, но я была бы рада обмануть себя и не узнать об этом. Я упустила часть разговора и услышала конец одной из реплик старика.

— ...и они уверовали в песню. Решили проверить это. Подумали, что дух Фригуса оценит их содеянное по достоинству. Его друзья... Нет! Нельзя назвать их таким высоким словом, нет, хоть мой юнец так их звал, он считал их своими близкими братьями... Учебные товарищи, стоящие с сыном в одном ряду, решили предать его, — извозчик сделал долгую паузу. — От него у меня ничего не осталось. Сановники мне прислали лист успеваемости, пропускной билет и гербовое свидетельство о смерти. Ни фотографии, ни клоч-

ка одежды, ничего больше, кроме этих несчастных бумаг. Мне казалось, что у них, вельмож, нет детей, ведь как такое возможно — отправить сухое сообщение о гибели моего сына, будущего мужа и простого добродушного человека без строчки о соболезнованиях, — голос старика звучал невозмутимо спокойно.

— У вас есть кто-нибудь? — задал вопрос Рейнард.

— Вы имеете в виду жена или дети? Хо-хо! Свою старушку я пережил, она покинула меня год назад, но я до сих пор думаю о ней каждый день. Она приходит ко мне во снах и иногда зовет к себе, но я просыпаюсь и оказываюсь совсем один в пустом доме. Второй мой сын уехал, когда ему стукнуло двадцать, а подоле он не появлялся на глаза, что уж говорить о пороге дряхлого домика. Изредка пришлет письмо, что жив и здоров, и на этом все.

— Вам, должно быть, очень одиноко. Извините нашего сорванца за бестактность. И нас тоже.

— Ничего, я привык к одиночеству, да и извиняться не стоит. Всего-то поделился с вами важной частью своей жизни. Мне осталось недолго, а там, в поистине волшебном мире, мы и встретимся с моими кровинушками.

Остальную дорогу старик рассказывал нам истории из жизни, о местах, в которых вырос и рос, об ушедших и еще живых друзьях, свадьбах и прочих важных событиях, погружаясь в детали, а в каких-то моментах проговаривая, что это секрет. Казалось, что он свободный человек, открытый ми-

ру душой и сердцем. Он перенес миллионы гирь на сердце, но продолжал жить и улыбаться, подшучивая над своими же словами, прячась от неловкости и тоски.

Так, под певчий голос кучера мы прибыли в столицу нашей северной Аллерии, город Норден. Повозка встала на остановочном пункте, где собирались кареты и брички. Дождь в этом крае только прекратился, дороги были размыты осадками, а ветер не готовился покинуть город.

Мы забрали чемоданы с повозки и уже собрались попрощаться с ямщиком, как он остановил нас.

— Обождите, молодые люди. Могу ли я напоследок узнать ваш род?

— Мы принадлежим к роду Гральдов, — ответил Рейнард.

— Хо-хо! Неужто я вел беседу с внуками Ральфа? А я-то думал, кого же вы мне напоминаете, — сказал старик, чуть улыбаясь.

— Вы были знакомы с нашим праотцом?

— Еще как, еще как... Было приятно иметь с вами дело. Вы точно не потеряетесь на жизненном пути, раз происходите от такой фамилии.

— К какой семье относитесь вы?

Рейнард не получил ответа на свой вопрос, услышав только приглушенное: «До встречи».

Мы остановились в добротном пансионате неподалеку от училища. Он находился в центре города, кишашем спорными, но именитыми заведениями с большой историей, банками, музеями и салонами. Скопление жира и богатства, если говорить кратко. Сделать шаг здесь — спустить месячные накопления. Но нашей целью было не это, хоть карман позволял нам разгуляться, первоочередно перед нами стояла задача познакомить Йору с городом и подготовить его к здешним шаблонам и стандартам. Обустроившись в квартире и переодевшись, мы направились в ресторан при дворе. Не особо хотелось смотреть на город не только восхищенными, но и голодными глазами под хор трех урчащих животов.

Вдоволь порадовав себя здешними блюдами, Рейнард повел нас по главной улице Нордена. Она вела к большой каменной площади, в центре которой красовалась композиция из фонтанов и монумент в честь Фригуса. Площадь окружали лабиринты из резных кустов, арочные сооружения и большое количество статных караульных. Если встать напротив статуи, впереди нее виднелось море, омывающее нашу малую родину, позади же — горы. Этот пейзаж напоминал наш дом, настоящий дом. Здесь были другие запахи, не было знакомых лиц и приятелей, к кому можно было обратиться за помощью, но не этот вид.

Народ сновал всюду, едва давая вдохнуть глоток воздуха. Суэта и беспорядочность в движении сопровождала каждую секунду, и нам приходилось подхватывать настроение и темп столицы. Йору не поспевал за общим течением и спотыкался о свои же ноги, что нам с Рейнардом пришлось держать его за руки с обеих сторон, дабы он случайно не приземлился на землю.

Мы прошли за фасады и дошли до набережной, спустились к берегу моря, где жителям не требовалось бежать по делам. Здесь было необычайно тихо и спокойно для такого большого города. Шум, который был здесь уместен — звук набегающих волн и периодические крики чаек. Солнце уходило за горизонт и украшало вид румяным, практически золотым цветом. Прелестно, что мы застали столицу после дождя, когда тучи успели разойтись, и яркая горячая звезда подарила нам свои последние лучи.

Пока мы сидели и любовались видом, я подмечала внешний вид горожан их повадки, рассказывая Йору о разнице этикета и наружности на собственном примере. По сравнению с нами, уроженцами безымянных мест, здешние лица были менее скромны и прямолинейны, это выражалось как и в речи, так и в одеяниях. Рейнард присоединился ко мне и добавлял свои мысли насчет этого. Мальчишка старался слушать нас, но видимо дорога забрала его энергию, и тот постоянно отвлекался или уходил в себя. К тому же вечерело, а значит пора было подниматься и двигаться в сторону наше-

го теперешнего дома. Впереди было еще пару дней, чтобы устроить не менее интересные лекции для юнца, и вовсе не о здешней моде.

Встав с прибрежных камней, Йору вдруг заговорил.

— Тот старик не соврал?

Мы с Рейнардом переглянулись.

— Об истории с поверьем? Нет. Но не смей думать, что оно правдиво и не смей проверять это, если сам не хочешь погибнуть. Не забывай о своей репутации и наследии, как и том, какой меч тебе принадлежит.

— Вы знали и не рассказывали мне о предании.

— Потому что тебе не надо забивать голову враками. Пошли домой, Йору.

Извозчик дал мальцу пищу для размышления... Вот чем, оказывается, была забита его голова этот вечер. Все, что он мог вычитать в своих учебниках и услышать от нас о Фригусе — лаконичные факты и сжатые изложения. Мы не давали читать ему подлинные бумаги со сводами правил, биографии предводителей и кроваво-слезные документы, чтобы не повредить несозревшее сознание и не заложить в нем холодную жилу.

Фригус, что стоял на защите северной земли, был известен своей жестокостью. Он не терпел людей слабых ни физически, ни духом. Чтобы встать в ряды его соратников, чего уж говорить о ближних воинах и армии, наделенной магической силой, стоило принести кого-то или что-то в жерт-

ву. Некоторые его рядовые кончали с возлюбленными или верными друзьями, родственниками или животными, а кто-то, не имея никого под сердцем и в памяти, решался вывернуть свою душу наизнанку и признаться в самых грязных и отвратительных грехах, посмотреть на свое отражение с прокаженной откровенностью, рассказать все секреты, все тайны, все свои мысли. Если человек, стоявший в рядах Фригуса, предавал его или не сдерживал слово даже перед собой, он умирал от рук короля. Смерть ждала и тех, кто проявил малейшую слабость — королевству не были нужны нежные бесхребетные воины. Такова была реальность во времена правления первого правителя. Ученики его школы действовали согласно требованиям, но после смерти Фригуса законы претерпели изменения, и гибель ближнего в обмен на собственную жизнь стала зверски наказуема, а об отборе, введенным Фригусом, запрещалось вспоминать. Норден превратился в юдоль плача и скорбей.

Спустя какое-то время подрастающие поколения узнали эту страшную историю и окутали ее присказками, что прибегнув к прошлому сейчас, они получают повышение — похвалу короля свыше, заполучив желаемое место в кресле двора в будущем. Так братья начали снова биться против друг друга, пролезать в чужие комнаты в ночи, чтобы пролить кровь ближнего. Они, оглушенные, с затуманенным разумом, совершенно не понимали, что убийство не принесет в их путь ничего, кроме вечного позора и изгнания.

Я хорошо помнила речь Йору о том, как он будет идти по головам дабы достигнуть своей цели, и после того, как он узнал этот миф, я надеюсь, что он не решится на глупые вещи. По крайней мере не таким кровожадным образом. Все же у него есть голова на плечах.

Мы шли к пансионату в небольшой холодности и смешанных чувствах. Каждый был погружен в свои мысли и старался не показывать это, артистично и наигранно крутя головой по сторонам и выдавая неподходящие реплики.

Готовясь ко сну и погасив почти все свечи в комнате, Йору, уже в ночной сорочке, осторожно подошел к Рейнарду.

— Я даю слово, что не пролью чужую кровь, только если это не будет кровь врага. Не хочу порочить свое имя и вас, — говорил он. — Простите, если заставил думать плохо... Я сам испугался...

— Йору, все нормально. Просто будь человеком, — Рейнард притянул младшего, чтобы погладить по голове. — Набирайся сил и ложись спать.

— Хорошо... — мальчик шмыгнул носом. — Передай Адерин спокойной ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.